

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-64-75

Мотив возвращения на родину в лирике Николая Рубцова и Леонида Завальнюка

В. Д. Гавриленко

Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск, Россия

✉ gin_kitsune@list.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию одного из центральных для отечественной литературы мотивов – мотива возвращения на родину – в поэзии Николая Рубцова и Леонида Завальнюка. Биографический метод исследования позволяет выявить причины, делающие мотив возвращения на родину одним из ключевых в лирике Рубцова и Завальнюка: детство поэтов, рано потерявших мать, выпало на военные годы, оба оказались сиротами при живых отцах, на долгие годы были вынуждены покинуть родные места. Сравнительно-типологический анализ позволяет выявить общность в раскрытии данного мотива: возвращение на родину как возвращение в идиллический мир утраченного детства. При этом в стихотворениях обоих поэтов образ малой родины представлен в двух временных измерениях: прошлом и настоящем. Используя прием контраста, авторы показывают радикальные изменения родного пространства, невозможность принять произошедшие перемены. Сопоставление мотива возвращения на родину позволяет выявить не только сходство, но различие в мироощущении двух поэтов. Обращаясь к образу малой родины, Рубцов продолжает есенинские традиции, его внимание направлено на русскую деревню, сельскую природу, мотив гибели традиционного уклада жизни. Для Завальнюка мотив возвращения на родину обретает новый смысл: возвращение к себе подлинному, восстановление собственной целостности, принятие себя. Анализ поэтических текстов основан на трудах А. Н. Веселовского, Б. М. Гаспарова, М. Л. Гаспарова, Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпы. Результаты исследования могут быть применены при изучении истории русской литературы и литературного краеведения в вузе и школе.

Ключевые слова: Леонид Завальнюк, Николай Рубцов, лирика, тихая лирика, мотив, образ, мотив возвращения, образ родины, образ деревни.

Для цитирования: Гавриленко В. Д. Мотив возвращения на родину в лирике Николая Рубцова и Леонида Завальнюка. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, № 4. С. 64–75. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-64-75

The motif of returning home in the lyric poetry of Nikolay Rubtsov and Leonid Zavalnyuk

V. D. Gavrilenko

Blagoveshchensk state pedagogical university, Blagoveshchensk, Russia

✉ gin_kitsune@list.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the motif of returning to one's homeland in the poetry of Nikolay Rubtsov and Leonid Zavalnyuk. The biographical research method makes it possible to identify the reasons that make the motif of returning to one's homeland one of the key motifs in the poetry of Rubtsov and Zavalnyuk. The childhood of the poets, the early lost of mothers, the war years, both being orphans with living fathers, and being forced to leave their homes for many years. A comparative typological analysis allows us to identify the commonality in the revelation of this motif: the return to the homeland as a return to the idyllic world of lost childhood. Moreover, in the poems of both poets the image of their small homeland is presented in two time dimensions: past and present. Using the technique of contrast, the authors show the radical changes in the native space, the inability to accept the changes that have occurred. A comparison of the motif of returning to home reveals not only the similarities, but also the differences in the worldview of the two poets. Turning to the image of a small homeland, Rubtsov

© Гавриленко В. Д., 2023

continues Yezenin's traditions, his attention is directed to the Russian village, rural nature, the motif of the death of the traditional way of life. For Zavalnyuk, the motif of returning to his homeland takes on a new meaning: returning to his true self, restoring his own integrity, accepting himself. The analysis of poetic texts is based on the works of A. N. Veselovsky, B. M. Gasparov, M. L. Gasparov, N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa. The results of the study can be applied when studying the history of Russian literature and literary local history at universities and schools.

Keywords: Leonid Zavalnyuk, Nikolay Rubtsov, lyrics, quiet lyrics, motif, image, motif of return, image of the homeland, image of a village.

For citation: Gavrilenko V. D. The motif of returning home in the lyric poetry of Nikolay Rubtsov and Leonid Zavalnyuk. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 64–75. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-64-75

Введение

Николай Рубцов (1936–1971) – поэт, чье имя ассоциируется с одним из ключевых направлений в советской литературе 1960-х гг. – «тихой лирикой». Первая публикация его произведений состоялась в 1957 г. во время армейской службы в газете «На страже Заполярья» [1]. Поэзия Рубцова отличается лиричностью и элегичностью, а тема родины, образы русской природы и деревни являются ведущими [2].

Почти в одно время с Рубцовым путь в литературу начал другой поэт – Леонид Завальнюк (1930–2010). Также, как и в случае с Рубцовым, первые стихотворения Завальнюка были напечатаны во время его службы в армии – в газетах «На боевом посту» и «Суворовский натиск» [3]. Они оба учились в Литературном институте им. М. Горького. Одновременно с Завальнюком, но на курс старше учились представители «эстрадной поэзии». Однако к знаменитым товарищам он не примкнул. Как отмечал исследователь творчества Завальнюка А. А. Белый, картина мира и эстетика Леонида Завальнюка не совпадали с мировоззрением его современников [4]. Действительно, творчеству Завальнюка были чужды политическая направленность стихов, эстрадный пафос, когда нередко в угоду звучанию ущемлялась содержательная сторона поэзии. Как указывает С. И. Красовская, много в мироощущении Завальнюка идет от связи с родной землей, что роднит его с представителями «тихой лирики» [3, с. 151]. И тем не менее ни к одному литературному течению Завальнюк так и не примкнул, он всегда был сам по себе, погруженным внутрь себя.

Завальнюк посвятил жизнь поиску своего пути, своей особой манеры. В ранний период творчества поэт находился под влиянием господствующего в 1950-е гг. соцреализма, от которого быстро отошел [5]. Завальнюк экспериментировал с жанрами, обращался как к лирике, так и к прозе. Его поэзия отличается разнообразием затрагиваемых тем и мотивов. Но при этом широкой публике он более всего известен как поэт-песенник, на чьи стихи исполняли песни многие советские и российские музыканты. И если имя Николая Рубцова уже вписано в историю русской литературы, его творчество продолжает быть предметом исследования [6–8], то Леонид Завальнюк только приходит к своему читателю, лишь сейчас начинает обретать свое место в отечественном литературном ландшафте.

В настоящее время существует небольшое количество работ, посвященных изучению творчества Завальнюка. Однако стоит отметить, что критика, преимущественно дальневосточная, обратила внимание на поэта еще в начале его творческого пути. Это были газетные статьи, журнальные публикации, представляющие собой рецензии на издаваемые сборники. Одним из первых критиков стал А. В. Лосев – основатель школы литературного краеведения Приамурья. Лосев не только отозвался на выход первого сборника, но и включил произведения Завальнюка в издание, с которого началось системное изучения литературы Приамурья [9]. На сегодняшний день творческое наследие Завальнюка активно изучается исследователями центра литературного краеведения Благовещенского

государственного педагогического университета. Так, в 2013 г. была издана «Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков», призванная воссоздать достоверную картину литературной жизни данного региона. В этом издании доктором филологических наук С. И. Красовской опубликована статья о Завальнюке, освещающая основные вехи в биографии и творчестве поэта [3]. А в 2016 г. в Амурской области, откуда начинался путь Завальнюка в литературу, была учреждена литературная премия его имени.

Цель нашего исследования проанализировать особенности мотива возвращения на родину в творчестве Рубцова и Завальнюка. Как было отмечено В. Е. Хализевым, для русской литературы мотив возвращения домой является константой [10]. Этот мотив неразрывно связан с проблемой нравственных исканий человека [10]. О значимости образа дома для русской литературы и его трансформации в XX в. пишет Т. И. Радомская, она указывает, что важной особенностью изображения русской жизни становится «отсутствие Дома» [11, с. 41]. Мотивы бездомности и сиротства в лирике Рубцова и Завальнюка тесно переплетены с мотивом возвращения домой. Два поэта рассматривают данный мотив в близком диапазоне, используют сходные образы. При этом среди исследователей существует мнение о том, что поэзия Завальнюка, как и Рубцова, относится к «тихой лирике», потому задача нашей статьи ответить на вопрос о том, действительно ли можно считать Завальнюка представителем «тихой лирики».

Материалы и методы исследования

Работа опирается на совмещение методов: биографического [10–12], описательного, сравнительно-типологического, мотивного анализа. Материалом исследования стали лирические произведения Леонида Завальнюка: «Будь готов!» (1953), «Один знакомый в Смеле побывал...» (1959), «Вот какие дела» (1959), «Тост» (1959), «Память» (1966), «Беглец» (1975), «Возвращение» (2002); Николая Рубцова: «Родная деревня» (1964), «Тихая моя родина» (1965), «Грани» (1966), «Детство» (1967), «Прощальная песня» (1967), «В полях сверкало. Близилась гроза» (1967), «Ночь на родине» (1967), «Привет, Россия...» (1969), экспромт «Я улпыву на пароходе» (1986).

Теоретическую базу научного исследования составляют труды отечественных ученых, таких как А. Н. Веселовский [15], Н. Д. Тмарченко [16], В. И. Тюпа [17], Б. М. Гаспаров [18], М. Л. Гаспаров [19].

Причины обращения к мотиву возвращения на малую родину

Прежде всего необходимо понять причины, побудившие и Рубцова, и Завальнюка, обращаться к мотиву возвращения на родину. Удивляет сходство судеб двух поэтов, родившихся в разных частях большой страны: Рубцов – в селе Емецк Северного края (ныне Архангельская область), а Завальнюк – в городе Умань Украинской ССР.

Детство Завальнюк провел в небольшом городке Смела. И хотя он был единственным ребенком в семье, но ребенком, недополучившим материнской и отцовской любви. Воспоминания о родителях ему давались нелегко, а самым близким человеком в детские годы была бабушка, как написал поэт в автобиографии: «Я рос так, как будто у меня – ни отца, ни матери, а только она. Иногда мне казалось, что оба мы с ней – сироты...» [20, с. 16].

1941-ый стал для маленького Лени годом испытаний. Весной умерла мать, а уже летом в доме появилась незнакомая женщина – мачеха. Новость о начавшейся войне вызвала чувство растерянности у многих, и семья Завальнюка не была исключением. Спасением стали деловитость и собранность мачехи Елены Климовны Федченко: она устроилась работать поваром в эвакогоспиталь, благодаря чему семье удалось покинуть город, который на два с половиной года оказался в оккупации. Отца вскоре после начала войны призвали на фронт, а для еще недавно незнакомых людей – мачехи и пасынка – началась эвакуационная жизнь. О годах, проведенных в скитаниях по стране, Завальнюк напишет в стихотворении «Память», где признается в самом сокровенном желании ребенка – иметь дом, а значит иметь родину, которой поэт лишился. Дом становится символом мирной

жизни – счастливой жизни, наполненной такими простыми бытовыми заботами, как посадка огорода. Память об этой детской мечте Завальнюк сохранит на всю жизнь:

Меня возили долго по стране,
И так по дому я истосковался,
Что в каждой чуждальной стороне
Я всякий раз навеки оставался.
Я думал: вот земля, а вот река.
Мы с мачехой сажали бы картошку.
В чужом дому пожили бы пока,
А там и свой бы вырос понемножку [21, с. 16–17].

Лишь зимой 1943 г. Леня с мачехой вернулись на Украину и стали жить в селе Крымки. Здесь Завальнюк начал посещать литературное объединение, на занятиях в котором обсуждались прочитанные стихи. Безмятежная жизнь продлилась недолго, с войны вернулся отец, и уже устоявшийся быт вновь рухнул: отец расстался с мачехой и, забрав сына, уехал в Винницкую область в родное село Мервин. Урожая там почти не было, с трудом удавалось найти пропитание, а семья была большая: помимо отца и Лени, бабушка Мария, сестра отца и три ее дочери. В поисках работы отец Андрей Дорофеевич уехал, пообещав сыну вскоре забрать его к себе, но обещание не сдержал, даже писем от него почти не приходило. Так, при живом отце Леонид стал сиротой. Обида на отца, мысль, что он лишь обуза – только обостряли чувство одиночества. Не в силах ждать отца, фактически бросившего сына, Леонид решил сам строить свою судьбу. И в 1946 г. он уехал в Донбасс, где в г. Никитовке поступил в фабрично-заводское училище.

Принятым решением Завальнюк словно провел черту: позади остались детство, война, родина, а впереди – манящая неизвестность, надежда обрести утерянный дом, семью и покой. Об этом периоде в своей жизни Завальнюк напишет в стихотворении «Беглец» с подзаголовком «Зима 1946 года». Данное стихотворение примечательно тем, что существует три его варианта, опубликованные в 1975 [22, с. 43–44], 1977 [23, с. 106–107] и 1987 [24, с. 43] гг. Главное и самое важное отличие мы можем наблюдать между первой и последней редакцией. Завальнюк не раз, переиздавая свои произведения, вносил в них правки: будь то название или изменение порядка слов, синонимичные замены. Но порой изменения были куда более значительными, влияющими на понимание мировоззрения поэта. Если первоначально он создает некоего героя, о чьей нелегкой судьбе повествует и за маской которого прячется он сам, то впоследствии отказывается от такого подхода. Поэт, используя местоимение «Я», по сути, подтверждает, что готов говорить от своего лица, обнажая перед читателями душу и рассказывая о самых болезненных воспоминаниях. Как признавался Завальнюк в одном из интервью, если в стихотворении он говорит «я», то это и есть он сам, а не какой-то лирический субъект [25, с. 451]:

Я был добытчик хлеба и тепла, –
Глава семьи в свои пятнадцать с малым.
<...>
И все ж зимой, скормив корове крышу,
Потом дорезав стельную ее,
Я бросил дом и в лютый холод вышел,
И в мир чужой пошел через жнивье [24, с. 43].

Реально случившееся событие в жизни поэта в стихотворении обретает метафорическое значение – поиск себя, своего места в этом мире. Символом беспросветной, лишенной всяческой надежды жизни становится убой коровы. Потерявшего веру больше ничего не держит в родных краях, и он уходит в неизвестность – в холодный чужой мир:

Я понял вдруг, что не могу спасти
Огромный нищий край,
Попавший в недороды.
И долго брел я поперек свободы,
Живую душу унося в горсти [24, с. 43].

Стихотворение в последней редакции оканчивается именно этими словами, но более ранние издания имеют продолжение, самая длинная версия датируется 1977 г. Завершающие стихотворение строки представлены в табл.

Таблица

Варианты окончаний стихотворения «Беглец» в публикациях 1975 и 1976 гг.

Table

Options of the endings of the poem “The Fugitive” in the publications of 1975 and 1976

Публикация 1975 г.	Публикация 1977 г.
...Что с ним сейчас? Он жив... Но жив ли? Сам реши. Вглядись в него, и ты увидишь вскоре Ту мертвую тоску в его спокойном взоре, Что носят, как клеймо, Все, кто сбежал от горя С душой в горсти Иль вовсе без души [22, с. 43–44].	Скажи ему, что я его люблю, Что я, как он, судьбу свою леплю Из тех обломков, что война мне возвратила. Не очень преуспел пока. Но жизнь не тороплю. И если есть порой в душе надежды, радость, сила, Я на всех нас Их поровну делю [23, с. 107].

В этих строках видна трансформация мировоззрения Завальнюка, изменение его отношения к самому себе и прошлому. Если первоначально поэт через лирического героя клеймит себя за решение все бросить и начать сначала, то позже проявляет к себе сочувствие и понимание, находит силы любить себя таким, какой есть: слабым, искалеченным, одиноким, отчаявшимся. И в итоге принимает себя, перестает осуждать, понимая, что это был для него единственный выход.

Как и Леонид Завальнюк, Николай Рубцов принадлежит к поколению «детей войны». Из-за службы отца-военного семья Рубцовых была вынуждена часто переезжать. Поэтому еще до начала войны будущий поэт успел пожить в городке Няндомы Вологодской области, а затем в Вологде, где семью и застала война. Отец практически сразу ушел на фронт, а мать и старшие сестры вскоре заболели и умерли в 1941 г. Так пятилетний мальчик Коля стал сиротой при живом отце, с которым встретился лишь в 1955 г. [26]. А затем в жизни Рубцова появился детский дом в селе Никольское Тотемского района Вологодской области, в котором он провел семь лет.

Позже случились работа на рыболовецком судне, служба на Северном флоте, поступление в Литинститут в Москве и возвращение в Вологду. Но именно Никольское стало для поэта родиной, на которую он возвращался, где много писал [27, с. 5]. В стихотворении «Родная деревня» поэт признается в любви родному краю. Стихотворение построено на противопоставлении двух мировоззрений: ребенка, мечтающего уехать жить в столицу, пренебрежительно относящегося к провинции, и взрослого, на собственном опыте познавшего ценность малой родины, с которой не сравнится ни одно место на земле:

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу... [28].

Таким образом, причина обращения обоих поэтов к мотиву возвращения на малую родину – в их биографии. Родина для них – это то место, которое они вынуждены были оставить, и куда возвращаются лирические герои их стихотворений в поисках утраченного дома, семьи.

Образ малой родины

В своем известном стихотворении «Тихая моя родина» Рубцов, как заметил исследователь творчества поэта В. С. Белков, соединил два святых для него места: Никольское и Вологду. Описание топонимов в стихотворении указывает на село, но могила матери находится в Вологде на Введенском кладбище [29]. В этом произведении и в стихотворении «Ночь на родине» пространство родины существует в двух временных измерениях: прошлом, что живет в детских воспоминаниях, и настоящем, в котором находится лирический герой. Родные места теперь с трудом узнаются им, даже могилу матери оказывается невозможно отыскать без помощи местных жителей:

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил... [28].

Места, что были так дороги лирическому герою, кардинально изменились: купол церкви зарос травой, а река измельчала, теперь это болото, покрытое тиной.

В лирике Завальнюка, где присутствует мотив возвращения в родные края, также наблюдается двойственность образа родины. Детство поэта прошло в Смеле и оборвалось оно внезапно с началом войны. Потому для Завальнюка именно Смела будет ассоциироваться с мирной довоенной жизнью, семьей и домом. Этим обусловлено существование двух образов: Смелы-родины, что живет в памяти поэта, и новой незнакомой Смелы из настоящего времени.

Столкновение, наслаивание этих двух образов происходит на страницах сборника «На дорогу времени» (1959) в стихотворениях «Вот какие дела...», «Тост», а особенно очевидным их различие становится в тексте стихотворения «Один знакомый в Смеле побывал...».

Об изменениях, произошедших на родине за время своего отсутствия, лирический герой, максимально приближенный к поэту, узнает из рассказа знакомого:

– Идешь, как будто по лесу, –
Все зеленью пестрит,
Война, видать, на пользу, –
Знакомый говорит.
– Простора изобилие,
По правде говоря.
Какой там сквер разбили
На месте пустыря!
И, подавив зевоту,
Он продолжает врать –
Мол, не узнать заводов,
И улиц не узнать... [30, с. 15].

Главной достопримечательностью возродившегося города становится сквер, на месте которого раньше был пустырь. И это изменение лирический герой как выразитель авторской позиции не приемлет. В его восприятии пустырь – это напоминание о разрушенной мирной жизни, напоминание о том, что когда-то давно на этом месте стояли дома,

жили люди. Кошунственно звучат слова собеседника: «Война, видать, на пользу». Теперь это место изменилось, словно позабыв о своем прошлом:

На этом самом месте
Стоял когда-то дом.
Под этим старым кленом,
Могуч, как древний грек,
Сидел механик Кленер –
Хороший человек.
Отсюда, где деревьев
Пролег зеленый шов,
Безродный Митька Древич
В подпольщики ушел.
<...>

Мне б ножик перочинный
<...>
Я б вырезал с трудом,
Что здесь разбито детство,
А сквер – уже потом.
Здесь Кленера замучили
И всех его ребят... [30, с. 16–17].

В этой обновленной Смеле Завальнюк не узнает своей родины, не находит в ней места для себя, оттого возникает чувство потери и обездоленности. Это место является родиной для ребенка, но для выросшего героя оно воспринимается бесконечно далеким и чужим.

Как и у Рубцова родная земля ассоциируется в стихотворении Завальнюка с могилой матери:

Вот какие дела –
Мать у меня умерла.

На смелянском кладбище ее
Положили,
Белый камень поставили
На могиле.
Вишни,
Вишни окрест
Да смородина...
Та земля и есть
Моя родина [30, с. 18].

Стихотворение стилистически приближено к бытовому разговору, что создает иллюзию простоты содержания. Важно отметить, что в лирике Завальнюк стремится к сюжетности, данная особенность нашла выражение в выборе жанров, в композиции и даже в номинации произведений («Рассказ радиста», «Рассказ холостяка», «Рассказ живописца», «Случай в химчистке», «Весенняя история» и др.). Кроме того, для лирики Завальнюка зачастую характерен отказ от традиционных стихотворных размеров. По нашему мнению, это усиливает сюжетную составляющую его поэзии.

На самом деле в этом стихотворении поэт осмысливает значение родины, пытается понять свое место. Важными для понимания являются слова «Та земля и есть / Моя родина». С одной стороны, используется притяжательное местоимение «моя», но с другой, указательное местоимение «та», а не «эта». Тем самым подчеркивается отдаленность земли от поэта, его отчужденность от нее. Лирический герой признается в желании обрести новую родину, коей стали для него Амурская область и город Благовещенск:

Отпусти ж ты меня,
Моя давняя родина.

На дорогах страны
Горек лист облетающий.
Где вы, дети войны,
Обретете пристанище?
На востоке ль на западе –
Тропки дальние узкие.
Где-то зейские заводы,
Где-то степи амурские... [30, с. 19].

Завальнюк не принял произошедшие в родном городе изменения. Повзрослев, он побывал в родных местах, но в отличие от Рубцова не остался, предпочтя ностальгическим воспоминаниям о прошлом настоящее, возможность наконец-то обрести любящую семью, дом и близких по духу людей – то, чего он был лишен еще в детстве.

Заключение

Обращаясь к мотиву возвращения на родину, Завальнюк и Рубцов, несмотря на то, что жили в разных географических координатах, создают схожие образы. Это тихая местность, обладающая скромной неяркой красотой, с протекающей рядом рекой. Важным ее элементом является кладбище – место, где похоронена мать.

Но какое будущее у этих мест? Если у Завальнюка Смела продолжает жить дальше, меняться и развиваться, то Рубцов предчувствует скорую гибель деревни, что передается через образы разрухи (скрипящие двери, грязные дворы) и состояние природы (застывающая река, тучи над деревней):

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока [31].

Вон то село, над коим вьются тучи,
Оно село родимое и есть... [31].

В одном из писем Рубцов писал, что в Никольском ему находиться тяжело именно потому, что видит он распад традиционного уклада жизни, отсутствие духовности в людях: «Я уже пропадаю здесь целый месяц. Особенного желанья коротать здесь всю зиму у меня нет <...> нет и здесь у меня уединения и покоя <...> Особенно раздражает меня самое грустное на свете – сочетание старинного невежества с современной безбожностью» [28].

И тем не менее Никольское в восприятии поэта – родина, место вдохновения. Как признавался Рубцов в одном из писем А. Я. Яшину: «А еще потому нахожусь именно здесь, что здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле» [28].

Для Завальнюка Смела – это родина детства, с которой он безусловно ощущает неразрывную связь. Ведь именно это место – исток поэта, из которого он вышел в большой внешний мир:

О древняя приверженность к земле,
Слезам прокипевшая и кровью!
Где бы ни жил, –
Живу я в том селе,
Всем существом своим,
Всей болью
И любовью! [21, с. 18].

Но Смела – утраченная родина. И возвращаясь туда, поэт лишь острее осознает свое одиночество. Таким образом, авторы используют прием контраста, чтобы показать изменения родных мест и невозможность принять произошедшие перемены. Потому и появляется потребность у Завальнюка обрести новый дом. Таким домом – новой родиной – становится Благовещенск, место, где поэт начал свой путь в литературу. Именно о далеком провинциальном городе на Дальнем Востоке Завальнюк скажет в одном из последних интервью: «Я же на протяжении десятков лет каждый год уезжал на полтора-два месяца в милый сердцу Благовещенск. Я там много работал, много писал, там так хорошо писалось...» [3, с. 150]. Эти слова созвучны идее Рубцова о том, что родина является источником вдохновения.

Важно отметить разное мироощущение двух поэтов. У Рубцова в центре внимания образ русской деревни, сельской природы, мотив гибели традиционного уклада – то, о чем писал еще С. А. Есенин [32, 33]. Он продолжает традицию новокрестьянских поэтов, взгляд его направлен во внешний мир. Следование традициям прослеживается и в стихосложении. Рубцов использует традиционные стихотворные размеры, такие как дактиль («Тихая моя родина»), амфибрахий («Родная деревня»), анапест («Прощальная песня»). Тексты делятся на привычные четверостишия с перекрестной рифмовкой.

Завальнюк не только уходит от устоявшихся в литературе размеров, но и зачастую отказывается от членения текстов на строфы, а в тех случаях, когда деление имеет место быть, это крайне редко – четверостишие, количество строк в строфе различное и определяется логикой произведения. У Завальнюка в центре – чувства, самоощущение поэта. Он пытается осмыслить не мир вокруг, а себя в этом мире. Но при этом не отделяет себя от мира, наоборот, чувствует связь со всем окружающим его пространством, со всеми временами [34]. Его поэзия оказывается шире рамок «тихой лирики». И хотя мы можем отметить схожие черты, но причислить Завальнюка к данному течению было бы ошибкой. Безусловно, он испытывал влияние разных течений и направлений, но оставался самобытным поэтом.

Результаты осуществленного нами исследования могут использоваться при изучении в вузе и школе истории русской литературы и литературного краеведения.

Л и т е р а т у р а

1. Вересов, Л. Н. Рубцов и Северный флот / Л. Н. Вересов // Жизнь и поэзия Николая Рубцова: [сайт]. – Вологда, 2000. – URL: https://web.archive.org/web/20140404002416/http://rubtsov.id.ru/others_2/veresov_7.htm (дата обращения: 15.09.2023).
2. Чернова, А. Е. Образ Родины в русской литературе (на примере поэзии Николая Рубцова) / А. Е. Чернова // Культурологический журнал. – 2017. – № 3(29). – С. 3.
3. Красовская, С. И. Завальнюк Леонид Андреевич / С. И. Красовская // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Издательство БГПУ, 2013. – С. 149–153.
4. Белый, А. А. «А без корней я – древесина...» / А. А. Белый // Завальнюк Л. А. «Всё с вами, но не ваш». Избранное. – Санкт-Петербург : Алетей, 2019. – С. 5–43.
5. Гавриленко, В. Д. Тема войны в стихотворении Леонида Завальнюка «Будь Готов!» / В. Д. Гавриленко // Лосевские чтения–2020 : Материалы региональной научно-практической конференции, Благовещенск, 27 марта 2020 года. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2020. – С. 94–103.
6. Дзаурова, Л. А. Тема, композиция и строфика стихотворения «Старая дорога» Н. М. Рубцова / Л. А. Дзаурова // Вестник науки. – 2021. – Т. 4. № 4(37). – С. 24–28.
7. Крайнова, В. А. Образ родины в лирике Н. Рубцова / В. А. Крайнова // Слово и текст : теория и практика коммуникации : Сборник научно-методических трудов, Армавир, 18 января 2021 года. Том 13. – Армавир : Армавирский государственный педагогический университет, 2021. – С. 96–98.

8. Чернова, А. Е. Лирика Николая Рубцова : принципы формирования идеального пространства в поэтических текстах / А. Е. Чернова // Текст в культурном, языковом, социальном пространстве : Сборник научных статей, Москва, 23 марта 2021 года / Отв. редактор В.В. Никульцева. – Москва : Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2021. – С. 352–376.
9. Лосев, А. В. Приамурье в художественной литературе : Аннотированный указатель / А. В. Лосев. – Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1963. – 104 с.
10. Хализев, В. Е. Ценностные ориентации русской классики / В. Е. Хализев. – Москва : Гнозис, 2005. – 432 с.
11. Радомская, Т. И. В поисках утраченного : судьбы дома и их художественное воплощение в русской литературе XIX–XX вв. / Т. И. Радомская // Вестник Краснодарского государственного института культуры. – 2018. – № 1 (14). – С. 41.
12. Палиевский, П. В. Биографический метод / П. В. Палиевский // Краткая литературная энциклопедия / Главный редактор А. А. Сурков. – Москва : Советская энциклопедия, 1962–1978. – Т. 1: Аарне – Гаврилов. – 1962. – Стб. 619–620.
13. Нефедов, Н. Т. Возникновение биографического метода // Н. Т. Нефедов. История зарубежной критики и литературоведения. – Москва : Высшая школа, 1988. – С.116–118.
14. Ласица, Е. В. Биографический метод в литературоведении / Е. В. Ласица // Познание стран мира : история, культура, достижения. – 2014. – № 4. – С. 55–61.
15. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Ленинград : Художественная литература, 1940. – 648 с.
16. Тамарченко, Н. Д. Мотив / Н. Д. Тамарченко, Л. Е. Стрельцова // Литература путешествий и приключений. Путешествие в «чужую» страну. – Москва : Аспект Пресс, 1994. – С. 229–231.
17. Тюпа, В. И. Словарь мотивов как научная проблема / В. И. Тюпа, Е. К. Ромодановская // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. – Вып. 1: От сюжета к мотиву / Под редакцией В.И. Тюпы. – Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 1996. – С. 3–15.
18. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы : Очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. – Москва : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 304 с.
19. Гаспаров, М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. Л. Гаспаров. – Москва : Фортуна Лимитед, 2000. – 351 с.
20. Завальнюк, Л. А. Планета Зет / Л. А. Завальнюк. – Москва : Зебра Е, 2006. – 416 с.
21. Завальнюк, Л. А. Мой дом / Л. А. Завальнюк. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1966. – 70 с.
22. Завальнюк, Л. А. Вторые травы. Стихи / Л. А. Завальнюк. – Москва : Молодая гвардия, 1975. – 63 с.
23. Завальнюк, Л. А. Книга встреч. Стихи / Л. А. Завальнюк. – Москва : Советский писатель, 1977. – 110 с.
24. Завальнюк, Л. А. Дальняя дорога / Л. А. Завальнюк. – Хабаровск : Книжное издательство, 1987. – 290 с.
25. Эфендиева, Г. В. «Я ответил как мог, от души» : заочное интервью с поэтом Леонидом Завальнюком / Г. В. Эфендиева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск : АмГУ, 2020. – Вып. 13. – С. 440–455.
26. Кириенко-Малюгин, Ю. И. Об отце Николая Рубцова / Ю. И. Кириенко-Малюгин // Звезда полей: [сайт]. – URL: <http://www.rubcow.ru/index.php/biografiya-i-izdaniya/ob-ottse-nikolaya-rubtsova> (дата обращения: 15.09.2023).
27. Михалкина, М. В. «Малая Родина» в жизни и творчестве поэта Николая Рубцова / М. В. Михалкина // Инновационные результаты социально-гуманитарных и экономико-правовых исследований : Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Белгород, 28 августа 2023 года / Под общей редакцией Е. П. Ткачевой. – Белгород : Агентство перспективных научных исследований, 2023. – С. 4–10.
28. Рубцов, Н. Собрание сочинений: в 3 т. / Составитель и автор вступительной статьи В. Зинченко. – Москва : Терра, 2000. – Т. 3. – 430 с. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sob/rub/tsov/index3.htm> (дата обращения: 10.09.2023).

29. Белков, В. С. Тихая родина Рубцова / В. С. Белков // Тотьма : историко-литературный альманах. – Вологда, 1995. – Вып. 1. – С. 412–417.
30. Завальнюк, Л. А. На дорогу времени / Л. А. Завальнюк. – Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1959. – 78 с.
31. Рубцов, Н. Собрание сочинений: в 3 т. / Составитель и автор вступительной статьи В. Зинченко. – Москва : Терра, 2000. – Т. 1. – 349 с. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sob/rub/tsov/index1.htm> (дата обращения: 11.09.2023).
32. Зайцев, В. А. Есенинская традиция в поэзии Александра Твардовского и Николая Рубцова / В. А. Зайцев // Современное есениноведение. – 2006. – № 5. – С. 100–106.
33. Савченко, Т. К. «Здесь для души моей родина» : Есенин в творчестве Николая Рубцова / Т. К. Савченко // Современное есениноведение. – 2015. – № 1(32). – С. 66–84.
34. Гавриленко В. Д. «Моя прописка» Леонида Завальнюка : история одного стихотворения / В. Д. Гавриленко // Лосевские чтения–2018 : Материалы XI региональной научно-практической конференции, Благовещенск, 30 марта 2018 года / Под редакцией А. В. Урманова. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2018. – С. 122–130.

References

1. Veresov, L.N. (2000). *Rubtsov and the Northern Fleet. Life and poetry of Nikolay Rubtsov*. [online]. Available at: https://web.archive.org/web/20140404002416/http://rubtsov.id.ru/others_2/veresov_7.htm [Accessed 15 September 2023]. (in Russ.)
2. Chernova, A.E. (2017). The image of the Motherland in Russian literature (on the example of the poetry of Nikolay Rubtsov). *Culturology Journal*, 3(29), pp. 3. (in Russ.)
3. Krasovskaya, S.I. (2013). *Zavalnyuk Leonid Andreevich. Encyclopedia of literary life of the Amur region of the 19th–21st centuries*. Ed. A. V. Uрманова, Blagoveshchensk: Publishing House BGPU, pp. 149–153. (in Russ.)
4. Belyi, A.A. (2019). “And without roots I am wood...”. Zavalnyuk L.A. “Everything is with you, but not yours.” Favorites. St. Petersburg: Aleteia, pp. 5–43. (in Russ.)
5. Gavrilenko, V.D. (2020). The theme of war in Leonid Zavalnyuk’s poem “Be Prepared!”. In: *Losev readings – 2020: Regional scientific and practical conference*, Blagoveshchensk, 2020. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, pp. 94–103. (in Russ.)
6. Dzaurova, L.A. (2021). *Theme, composition and stanza of the poem “Old Road” by N.M. Rubtsova*. Vestnik nauki, 4(37), pp. 24–28. (in Russ.)
7. Krainova, V.A. (2021). *The image of the homeland in the lyrics of N. Rubtsova. Word and text: theory and practice of communication: Collection of scientific and methodological works*. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 13, pp. 96–98. (in Russ.)
8. Chernova, A.E. (2021). *Lyrics of Nikolay Rubtsov: principles of formation of ideal space in poetic texts. Text in cultural, linguistic, social space: Collection of scientific articles*. Ed. V. V. Nikultseva. Armavir State Pedagogical University, pp. 352–376. (in Russ.)
9. Losev, A.V. (1963). *The Amur region in fiction: Annotated index*. Amur publishing house, Blagoveshchensk, 104 p. (in Russ.)
10. Khalizev, V.E. (2005). *Value Orientations of Russian Classics*. Gnozis, Moscow, 432 p. (in Russ.)
11. Radomskaya, T.I. (2018). Search of the lost: fate of home and its creative execution in the Russian literature 19th–20th centuries. *Bulletin of Krasnodar State Institute of Culture*. 1(14), pp. 41. (in Russ.)
12. Palievskiy, P.V. (1962). *Biographical method. Brief literary encyclopedia*. Ed. A. A. Surkov. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1: Aarne – Gavrillov, pp. 619–620. (in Russ.)
13. Nefedov, N.T. (1988). *The emergence of the biographical method. History of foreign criticism and literary criticism*. Moscow: Higher School, pp. 116–118. (in Russ.)
14. Lasitsa, E.V. (2014). *Biographical method in literary criticism. Learning countries of the world: history, culture, achievements*. 4, pp. 55–61. (in Russ.)
15. Veselovsky, A.N. (1940). *Historical poetics*. Leningrad: Art literature, 648 p. (in Russian)

16. Tamarchenko, N.D. (1994). *Motif. Literature of travel and adventure. Traveling to a "foreign" country*. Moscow: Aspect Press, pp. 229–231. (in Russ.)
17. Tyupa, V.I. (1996). *Dictionary of motives as a scientific problem. Materials for the Dictionary of Plots and Motives of Russian Literature. No. 1: From plot to motif*. Philology Institute SO RAN, Novosibirsk, pp. 3–15. (in Russ.)
18. Gasparov, B.M. (1993). *Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century*. Moscow: Oriental literature, 304 p. (in Russ.)
19. Gasparov, M.L. (2000). *Essay on the history of Russian verse. Metrics. Rhythm. Rhyme. Strophic*. Moscow: Fortuna Limited, 351 p.
20. Zavalnyuk, L.A. (2006). *Planet Z*. Moscow: Zebra E, 416 p. (in Russ.)
21. Zavalnyuk, L.A. (1966). *My home*. Khabarovsk: Khabarovsk Publishing House, 70 p. (in Russ.)
22. Zavalnyuk, L.A. (1975). *Second herbs. Poetry*. Moscow: Young Guards, 63 p. (in Russ.)
23. Zavalnyuk, L.A. (1977). *Book of meetings. Poetry*. Moscow: Soviet Writer, 110 p. (in Russ.)
24. Zavalnyuk, L.A. (1987). *Long road*. Khabarovsk: Book Publishing House, 290 p. (in Russ.)
25. Efendieva, G.V. (2020). "I answered as best I could, from the heart": an extramural interview with poet Leonid Zavalnyuk. *Russia and China on the Far Eastern borders*. Blagoveshchensk: AmSU, 13, pp. 440–455. (in Russ.)
26. Kirienko-Malyugin, Yu.I. *About Nikolay Rubtsov's father. Star of the Fields* [online]. Available at: <http://www.rubcow.ru/index.php/biografiya-i-izdaniya/ob-ottse-nikolaya-rubtsova> [Accessed 15 September 2023]. (in Russ.)
27. Mikhalkina, M. V. (2023) "Small Motherland" in the life and work of the poet Nikolay Rubtsov. *Innovative results of social, humanitarian and economic-legal research: Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Belgorod*, pp. 4–10. (in Russ.)
28. Rubtsov, N. (2000). *Collected works: in 3 volumes*. Compiler and author of the introductory article V. Zinchenko. Moscow: Terra, 3, 430 p. [online], Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/sob/rub/tsov/index3.htm> [Accessed 10 September 2023]. (in Russ.)
29. Belkov, V.S. (1995). *Quiet homeland of Rubtsov. Totma: historical-literature almanac*. Vologda, 1, pp. 412–417. (in Russ.)
30. Zavalnyuk, L.A. (1959). *On the road of time*. Blagoveshchensk: Amur Book Publishing House, 78 p. (in Russ.)
31. Rubtsov, N. (2000). *Collected works: in 3 volumes*. Compiler and author of the introductory article V. Zinchenko. Moscow: Terra, 1, 349 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/sob/rub/tsov/index1.htm> [Accessed 10 September 2023]. (in Russ.)
32. Zaitsev, V.A. (2006). *Yesenin tradition in the poetry of Alexander Tvardovsky and Nikolay Rubtsov*. *Sovremennoe eseninovedenie*. 5. pp. 100–106. (in Russ.)
33. Savchenko, T.K. (2015). "Here is the homeland for my soul": Yesenin in the works of Nikolay Rubtsov. *Sovremennoe eseninovedenie*. 1(32), pp. 66–84. (in Russ.)
34. Gavrilenko, V.D. (2018). "My registration" by Leonid Zavalnyuk: the story of one poem. *Losev Readings – 2018: Materials of the XI regional scientific and practical conference*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk state pedagogical university, pp. 122–130. (in Russ.)

ГАВРИЛЕНКО Виктория Дмитриевна – ст. преп. кафедры русского языка как иностранного Благовещенский государственный педагогический университет.

E-mail: gin_kitsune@list.ru

GAVRILENKO Victoria Dmitrievna – Senior lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language, Blagoveshchensk State Pedagogical University.